

▶	Критический анализ программы Всероссийской переписи населения 2010
▶	Должна ли миграционная статистика учитывать этническую принадлежность мигрантов?
▶	Как переписывают население в европейских странах в 2010 году
▶	Национальные меньшинства в постсоветской России: международно-правовые аспекты
▶	Кого можно считать французом?
▶	Изменение этнического состава населения [Кыргызстана]

Должна ли миграционная статистика учитывать этническую принадлежность мигрантов?

А. Вишневский

*Выступление в дебатах "Должна ли государственная статистика в странах Европейского союза использовать категорию этничности?"
Флоренция, 25-26 июня 2012 г.*

Должна ли миграционная статистика учитывать этническую принадлежность мигрантов? В статистике часто видят только инструмент познания, получения информации о чем-то, объективно существующем. Но у статистики есть и другая функция, она может быть и инструментом конструирования реальности, а то и псевдореальности, и тогда эта ее функция вступает в противоречие с ее функцией инструмента познания.

Учет какого-либо признака государственной статистикой означает, что само существование этого признака не подвергается сомнению, а главное, что этому признаку придается достаточно важное государственное значение. Статистическая политика – всегда часть общей политики.

До 2008 г. российская миграционная статистика учитывала этническую принадлежность мигрантов, с 2008 г. этот учет прекратился. Чтобы понять причины как длительного сохранения, так и прекращения сбора такой статистики, надо понять, какую роль играла этническая статистика в советское время.

В СССР этническая принадлежность считалась одной из важнейших характеристик

▶	Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане
▶	Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции
▶	Архив раздела Глазами аналитиков

Яндекс.Директ Все объявления **ES** Паули 'Народы России' за 2415 р. E5.RU: Более 1 000 000 товаров. Низкие цены! Доставка **Адрес и телефон** e5.ru Москва **Английский язык. Учи играючи!** Мультимедиа тренинги на ПК. Быстрое запоминание лексики. Курс Незубрилкин. nezubri.net **Учебный центр "5-55"** Все об учебе в России! Школы, курсы. Варианты обучения. Стоимость **ucheba.ru Английский для туризма и общения.** Мультимедиа

человека и учитывалась буквально при каждом его появлении в публичной сфере. Во всех анкетах присутствовал вопрос об этнической принадлежности, и он шел сразу после вопроса об имени, отчестве, фамилии и возрасте («пятый пункт»), указание на этническую принадлежность было обязательной частью любого CV.

Этническая принадлежность фиксировалась в паспорте, и ее нельзя было выбирать (за исключением выбора между этнической принадлежностью матери и отца) или менять на протяжении жизни. Таким образом, этническая принадлежность, которую нельзя установить никаким биологическим анализом, трактовалась как наследуемая от родителей биологическая категория, никак не связывалась с языком, культурой и т.д. Это никого не смущало, хотя для советской идеологической традиции всегда была характерна борьба против «биологизации» социального. Как я писал когда-то, «это, конечно, не нашитая на одежду желтая звезда, но что-то близкое ей по духу»¹.

Повышенный интерес к этнической принадлежности первоначально обосновывался необходимостью «позитивной дискриминации», противопоставлявшейся негативной дискриминации в дореволюционной Российской империи, руссификаторским тенденциям и т.п. Однако позитивная дискриминация неотделима от негативной, и если дискриминации по тому или иному признаку в принципе допустима, то вопрос о том, кого дискриминирует, рано или поздно начинает решаться, исходя из соотношения сил. Более сильный дискриминирует более слабого.

В этих условиях этническая статистика становится инструментом разделения и дискриминации, доходящей до крайних пределов «окончательного решения», когда целые народы исчезают не только из статистики, но вообще как бы перестают существовать, даже если физически их существование продолжается. В издававшейся при Сталине 50-томной Большой советской энциклопедии нет, например, слова «чеченец».

Но даже когда дискриминация по этническому признаку не доходит до таких крайностей, будучи однажды признанной, она пронизывает все стороны социальной жизни, приобретая иногда самые неожиданные формы. Когда во время «карибского кризиса» 1962 г. на Кубу была тайно переброшена 50-тысячная группировка Советской армии, ее участники подбирались с учетом не только гражданской, но и этнической принадлежности. Ими не могли быть не только служившие в армии евреи, немцы или корейцы, но даже татары – самый большой по численности неславянский этнос России. Что может быть опаснее для государства, чем дискриминация по этническому признаку внутри армии?

самоучитель. Словарный
запас. Восприятие
на слух. Произношение.
nezubri.info

Google™

Web

demoscope.ru

Поиск

Именно многообразные виды этнической дискриминации – и позитивной и негативной - повышали значение фактора этнической принадлежности, он получал чрезмерное значение среди других факторов идентичности. СССР считался союзом 15 республик, и формально каждый житель СССР был гражданином одной из этих республик. Но это гражданство не имело никакого значения, не шло ни в какое сравнение с этнической принадлежностью при определении социальной позиции человека. Более того, этническая идентичность вступала в конкуренцию с государственной идентичностью, обладатели той или иной этнической принадлежности ставили этническую идентичность – и свою, и чужую - выше государственной – вплоть до смены гражданства. Все это ярко проявилось в момент распада СССР. Несомненно одной из главных причин распада была примордиалистская этническая политика советской власти.

Разрушительная сила подчеркивания этнического разделения была осознана в постсоветской России, и в 1996 г. графа «национальность» в паспорте была отменена. Это не могло сразу изменить долго воспитывавшиеся этнические представления населения, и сейчас в России достаточно много людей, настаивающих на восстановлении записи об этнической принадлежности в гражданском паспорте. В российском обществе сохраняется устойчивый интерес к этнической статистике. Это можно проиллюстрировать на примере Демоскопа Weekly. Страницы сайта, на которых можно найти информацию об этническом составе населения России, неизменно относятся к числу наиболее популярных. В мае 2012 г. страницу, на которой можно найти данные о **распределении населения по родному языку и регионам** России по переписи 1897 г., открывали более 1000 раз, а **Алфавитный перечень национальностей и этнических наименований**, использовавшихся при переписи 2002 г. - более 1500 раз.

Тем не менее со временем отказ от фиксации этнической принадлежности распространился и на миграционные документы, а значит и на миграционную статистику. Этому способствовало также и то, что в рамках сложившейся бюрократической традиции этническое самоопределение представляется недостаточным основанием, а подтверждающих документов не существует. В самом деле, приезжающий в Россию украинец может, с учетом текущей политической конъюнктуры, назвать себя русским, а грузин – армянином, проверить нельзя, и кажется, что это может исказить этнический состав мигрантов, который по-прежнему считается чем-то «объективным».

К каким последствиям привело исключение этнической принадлежности из миграционной статистики?

С одной стороны, нет сомнения, что оно привело к утрате очень ценной информации и, как это ни парадоксально, укрепило позиции националистов, для которых мистические соображения вообще важнее рациональных, опирающихся на достоверные данные. В российском националистическом дискурсе широко распространены представления о массовой инокультурной миграции, угрожающей культурной идентичности русских. Пока существовала этническая статистика, она до известной степени противостояла этим представлениям, потому что ясно показывала, что постсоветская иммиграция была, в основном, возвратной и состояла, по преимуществу, из этнических русских, в меньшей степени украинцев и белорусов (скорее всего, обрусевших, но сохранявших свою «паспортную» этническую принадлежность), а также других народов России (татар, башкир и т.д.). Теперь же статистической опоры нет, и можно, встретив на улице двух выходцев с Северного Кавказа (граждан России), увидеть в этом подтверждение того, что Россию заполонили фенотипически близкие к ним азербайджанцы, армяне или грузины и что единственный способ защитить русскую идентичность - это сплотиться против приезжих.

Вообще, в современном мире, в котором широко распространены количественные измерения всех сторон социальной реальности, отсутствие этнической статистики в каком-то смысле делает сам феномен этнической принадлежности табуированным и как бы не существующим для научного познания. Между тем нельзя отрицать, что этническая принадлежность, которую нельзя выявить никакими медицинскими анализами, не только существует, но и реально служит очень важным элементом самосознания человека, самоидентификации личности, его ощущения принадлежности к определенной общности. До тех пор, пока это ощущение существует у человека, оно влияет на его поведение в самых разных сферах его существования – от семейной до политической – побуждает его действовать в соответствии с традициями, свойственными этой общности, и в полиэтнических обществах это может иметь практические последствия, которые оправдывают существование этнической статистики, в том числе и миграционной. Скажем, едва ли может считаться нормальной ситуация, когда разные этнические группы внутри одной страны имеют разную рождаемость, но отсутствие этнической статистики не позволяет оценивать эти различия и вклад разных этнических групп в общую рождаемость в стране.

С другой стороны, именно потому, что этническая принадлежность имеет не биологическую, а социальную природу, она может достаточно быстро меняться в зависимости от политических или иных обстоятельств. Современная глобализация, массовые миграционные процессы создают все новые и новые предпосылки для смены этнического самосознания, для появления новых «интеграторов», заменяющих

этнические, и т.д.

Этничность легко понять как коллективную идентичность, как идентичность совокупности людей, говорящих на одном языке, имеющих общие обычаи, традиции и т.п. Проблемы начинаются тогда, когда отдельный человек отделяется от одной общности и присоединяется к другой, т.е. становится «мигрантом». Сохраняет ли он при этом полностью свою этническую идентичность или она постепенно размывается, и приходится говорить уже не об «этнической принадлежности», а об «этническом происхождении»? И можно ли считать, что это – одно и то же?

Есть две традиции ответа на этот вопрос. Одну можно охарактеризовать словами Гердера: «Провидение разделило людей - лесами и горами, морями и пустынями, реками и климатическими зонами, но прежде всего оно разделило людей языками, склонностями, характерами»². Этот ответ можно истолковать так, что этничность – характеристика, по воле Провидения присущая человеку от рождения и не поддающаяся изменению.

Второй ответ выражен словами Ренана: «Человек - не раб ни своей расы, ни своего языка, ни своей религии, ни течения рек, ни направления горных цепей»³. Иными словами, человек свободен конструировать свою идентичность сам.

Первый ответ, как мне представляется, едва ли вписывается в современные представления о природе этнического. Но если мы принимаем второй ответ, то мы должны признать, что в большинстве случаев сам акт миграции – это начало конструирования новой идентичности, и с этого момента целостная «этническая принадлежность» перестает существовать, даже если мигрант и продолжает по инерции ассоциировать себя с этническим сообществом, из которого он вышел.

Едва ли не главной опорой этнического самоощущения служит язык. Отождествление этнической принадлежности с языком кажется очевидным и ведет к отождествлению этнической статистики с языковой: зачем знать, к какому этносу относят себя люди, если известно, на каком языке они говорят? Об этническом составе населения Российской империи в конце XIX в. судят на основании его распределения по родному языку, зафиксированному переписью населения 1897 г. Вопрос об этнической принадлежности тогда был бы просто непонятен большинству респондентов.

Но то, что имеет свое основание в условиях маломобильных сельских обществ, каковым было российское общество в конце XIX в., теряет это основание, когда их мобильность

(внутренняя или международная) резко повышается и возникают мощные миграционные потоки.

Мигрант (часто даже и внутренний, как это было в СССР) вынужден жить в стихии другого языка, если не для него, то для его детей язык страны иммиграции становится родным, и для них отпадает одна из главных опор этнического самосознания. То же происходит постепенно и с бытовыми традициями, обычаями и пр. Чем скорее это происходит, тем успешнее идет процесс интеграции иммигрантов в социальную среду страны приема и тем менее сохраняющаяся этническая самоидентификация соответствует реальности.

Хорошо известно, что существуют социальные, культурные и политические факторы, противодействующие интеграции мигрантов. Их обобщенным идеологическим и политическим отражением служит концепция мультикультурализма, подчеркивающая важность сохранения культурного многообразия. Нельзя отрицать правомерности этой концепции как естественного ответа на складывающиеся во многих странах реалии, но нужно понимать ее относительность. Модель мультикультурализма противопоставляется обычно модели «плавильного котла», которая трактуется как ассимиляционная, требующая от мигрантов полного растворения в социуме и культуре принимающего общества. Но ни та, ни другая модель никогда не реализовывалась в чистом виде. Скажем, американский «плавильный котел» никогда не предполагал религиозного единообразия. А классический канадский мультикультурализм, исходит из того, что «этнические различия принимаются до той степени, пока индивиды (не группы) могут идентифицировать себя с культурной традицией их выбора, но только в том случае, если эта идентификация не нарушает прав человека, права других или законы страны»⁴.

По сути, вопрос выбора интеграционной модели – это вопрос нахождения правильного баланса между интересами социального целого и интересами каждого человека – как местного, так и пришлого – в конкретных условиях места и времени. Такой баланс может быть найден в пределах континуума между «абсолютным» плавильным котлом и столь же «абсолютным» мультикультурализмом, но, скорее всего, достаточно далеко от этих двух крайних точек. Поиски такого баланса – непрерывный процесс, которому противопоказана всякая фиксация достигнутого в какой-то момент состояния. Любая фиксация, в том числе и статистическая (если это только не периодический замер достигнутого состояния вроде измерения температуры) оказывается недостоверной и неконструктивной. Сама природа регулярной государственной статистики такова, что она придает фиксируемым ею фактам статус чего-то безусловного, твердо установленного, в то время как адаптационные процессы должны быть максимально гибкими и подвижными.

Любое принимающее общество объективно заинтересовано в такой гибкости и подвижности, ибо она противостоит окостенелости состояний, унаследованных от прошлого и не соответствующих быстро меняющимся условиям. Прагматические интересы требуют обеспечения свободы культурного выбора для интегрирующихся иммигрантов, большинство из которых в той или иной степени демонстрируют свой выбор уже самим актом миграции.

Возможно, на первых порах иммигрант не может полностью отказаться от своих этнических традиций (своеобразие которых, впрочем, часто преувеличивается). Признание принимающим обществом ценности культурного многообразия облегчает процесс адаптации и делает его менее болезненным. Но это не значит, что приехавший из Узбекистана в Москву узбек, в отличие от приехавшего из того же Узбекистана русского, должен навсегда оставаться узбеком и, во имя сохранения культурного разнообразия, должен быть загнан, в том числе и статистической регистрацией, в какое-то узбекское гетто. Впрочем, такая «геттоизация», диаспоризация часто возникает не только под влиянием принимающей стороны, в еще большей мере она может диктоваться «шлейфом», тянувшимся за мигрантом из страны выхода, разрыв с которой воспринимается как «отказ от корней», предательство, отступничество и т.п. Вся эта сложная мозаика адаптации и находит свое отражение в концепции мультикультурализма, которая предлагает достаточно гибкую модель управления разнообразием.

Однако, как справедливо отмечает Амартия Сен, «ценность культурного разнообразия не должна быть безоговорочной, а должна измеряться в зависимости от его соответствия меняющимся условиям»⁵.

«Недавно прибывших иммигрантов могут побуждать к тому, чтобы они сохраняли свой традиционный образ жизни и прямо или косвенно препятствовать тому, чтобы они изменяли свое поведение. Следует ли из этого, что во имя *культурного разнообразия* мы должны поощрять *культурный консерватизм* и требовать от людей оставаться привязанными к их культурной среде и не пытаться принять другой образ жизни, даже если у них есть веские причины это сделать?»⁶.

Все это не означает отрицания этнической идентичности или неуважения к ней. Но этническая идентичность, при всей ее важности, – не единственная идентичность человека и не обязательно – самая главная. Еще раз сошлюсь на Амартию Сена, с которым я согласен: «Было бы очень трудно признать духовную и социальную ценность мультикультурализма, если бы он предполагал, ... что идентичность человека в основном

- или полностью – определяется его принадлежностью к своему сообществу или своей религии (и исключает все другие составляющие идентичности: язык, профессию, социальный класс или политические убеждения)⁷.

Если же мы признаем множественную идентичность личности, то мы должны признать и то, что различные ее компоненты определенным образом упорядочены, что всегда существует иерархия идентичностей. Этнические националисты отводят этничности самое высокое место в этой иерархии. В этом смысле интересна идущая сейчас в русском интернете дискуссия по поводу слов Апостола Павла о том, что «нет ни Еллина, ни Иудея..., но все и во всем Христос» и (в другом месте) «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». По мнению националистов, на эти слова ссылаются, пытаясь увидеть в них отмену различий между народами, но тогда надо было бы требовать и отмены различий между мужчинами и женщинами, что свидетельствует об абсурдности «так называемого Христианского интернационализма». На самом деле, как мне представляется, ни Апостол Павел, ни те, кто на него ссылаются, вовсе не имеют в виду отмену, выражаясь современным языком, этнической или гендерной идентичности, а лишь указывают на существование идентичности более высокого иерархического уровня.

Таким образом, спор идет не о том, признавать или не признавать этническую идентичность, а о том, какое место отводить ей в иерархии компонентов идентичности.

Возвращаясь к вопросу о том, следует ли государственной или международной миграционной статистике учитывать этническую принадлежность мигрантов, можно сказать, что это – не самостоятельный вопрос. Это часть вопроса о том, какое значение хочет придать этнической идентичности общая политика тех или иных государств или международных организаций. Чем выше место, отводимое этнической идентичности в иерархии идентичностей человека и общества, тем выше и шансы на то, что этническая принадлежность станет предметом государственной статистики, будет пристально изучаться, анализироваться, учитываться при принятии решений в гражданской сфере и т.д.

С моей точки зрения, в условиях того, что Дэвид Коулмен называет «третьим демографическим переходом» - изменения этнического состава населения стран вследствие большого притока иноэтничных мигрантов, - это очень опасный путь, ведущий к расколу и конфликтам. Но я не думаю, что его можно избежать полностью. Нельзя просто закрыть глаза и вовсе отказаться от мониторинга происходящих процессов, а без

статистики такой мониторинг невозможен.

Другое дело, что любая конструктивная прагматическая политика (к сожалению, прагматическая политика бывает и деструктивной) должна, по возможности, минимизировать обращение к этническим индикаторам и гарантировать их нейтральную интерпретацию.

---

¹ Вишневский А.Г. Серп и рубль. М., 2010, с. 338.

² Гердер И.Г. Идеи к философской истории человечества. М., 1977, с. 226.

³ Renan E. Qu'est-ce qu'une Nation? et autres écrits politiques, Paris, 1996, p. 242.

⁴ Cryderman B.K., Fleras A., O'Toole C.N. Police, Race and Ethnicity. A Guide for Law Enforcement Officers, Toronto and Vancouver, 1998, p. 20.

⁵ Amartya Sen. Identité et violence. L'illusion du destin. Odile Jacob, 2006.p. 162.

⁶ Ibid., p. 160.

⁷ Ibid., p. 218.

Версия для печати

Демоскоп Weekly издается при поддержке:

Фонда ООН по народонаселению (UNFPA) - www.unfpa.org (с 2001 г.)

Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров - www.macfound.ru (с 2004 г.)

Фонда некоммерческих программ "Династия" - www.dynastyfdn.com (с 2008 г.)

Российского гуманитарного научного фонда - www.rfh.ru (2004-2007)

Национального института демографических исследований (INED) -

www.ined.fr (с 2004 г.)

ЮНЕСКО - portal.unesco.org (2001), Бюро ЮНЕСКО в Москве -

www.unesco.ru (2005)

Института "Открытое общество" (Фонд Сороса) - www.osi.ru (2001-2002)

←

Свидетельство о регистрации СМИ
Эл № ФС77-39707 от 07.05.2010г.

demoscope@demoscope.ru

© Демоскоп Weekly

ISSN 1726-2887